

МИНИСТЕРСТВО  
ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ  
ГУМАНИТАРНЫХ  
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

11/2005

Москва

Академия гуманитарных исследований

Научный образовательный просветительский журнал  
Издается с 1958 года

**Редакционный совет журнала “Философские науки”**

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,  
Доброхотов А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф., архимандрит  
Макарий, Миронов В.В., Павлов А.Т., Розин В.М.,  
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Степанянц М.Т., Степин В.С.,  
Тавризян Г.М., Толстых В.И., Тюрин Л.Г.

**Редакция журнала:**

Водолазов Г.Г., Ермишин О.Т., Пантин В.И., Розин В.М.

Верстка: Русак И.Ф.

**Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.**

<http://www.academyrh.boom.ru>

E-mail: [academyRH@list.ru](mailto:academyRH@list.ru)

---

**Подписные индексы журнала:**

- в Объединенном каталоге “Пресса России” 45490
  - в Каталоге российской прессы “Почта России” 60515
- 

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,  
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций  
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.  
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 28.10.2005 г. Формат 60х90/16.  
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.  
Тираж 1000 экз. Заказ 7316.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский  
комбинат ВИНТИ»,  
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

### Проблемы международной безопасности ■

|                                                |                                                               |    |
|------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------|----|
| <i>АНДРЕЕВА Т.Н.,</i><br><i>КОСОЛАПОВ Н.А.</i> | Ядерное сдерживание<br>в условиях глобализации<br>(окончание) | 5  |
|                                                | От редакции                                                   | 20 |

## ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

### Политическая теория: философское измерение ■

|                                          |                                                                                      |    |
|------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>ШИПИЛОВА А.В.</i><br><i>(Воронеж)</i> | Судьба демократии в эпоху<br>глобализации                                            | 21 |
| <i>СОЛОВЕЙ И.В.</i><br><i>(Ижевск)</i>   | Конструирование<br>«политической реальности»<br>в дискурсе политического<br>субъекта | 34 |

## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

### Из истории русской философии ■

|                        |                                                                                 |    |
|------------------------|---------------------------------------------------------------------------------|----|
| <i>ФЛОРЕНСКИЙ П.А.</i> | Сочинение Оригена<br>«Περὶ ἀρχῶν» как опыт<br>метафизики (продолжение)          | 47 |
| <i>ТИХЕЕВ Ю.Б.</i>     | П.А. Флоренский и<br>А.Ф. Лосев: соотношение<br>историко-философских<br>позиций | 58 |

## КАФЕДРА

### В помощь преподавателю вуза

### Универсальная история ■

|                                           |                                                                             |    |
|-------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------|----|
|                                           | От редакции                                                                 | 72 |
| <i>CHRISTIAN D.</i><br><i>(Сан-Диего)</i> | «Big history» course (syllabus)                                             | 74 |
| <i>НАЗАРЕТЯН А.П.</i>                     | Программа и методические<br>указания к спецкурсу<br>«Универсальная история» | 80 |
| <i>SPIER F.</i><br><i>(Амстердам)</i>     | Big history. Interdepartmental<br>course in World and human<br>history      | 89 |

**ФЕДОРОВИЧ И.В.**  
(Сыктывкар)

Программа курса  
«Универсальная история»  
(на базе дисциплины  
«Концепции современного  
естествознания») 111

## **История и философия науки**

**ЛЕБЕДЕВ С.А.**

Структура научного знания  
(окончание) 124

**РОЗИН В.М.**

Опыт построения  
методологического курса,  
выполняющего функции  
навигатора для программ  
и курсов «История  
и философия науки»  
(продолжение) 135

## **Школа философствования**

**ЮЛИНА И.С.**

О программе «Философия  
для детей» (окончание) 141

**ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е.В.**  
(Ростов-на-Дону)

Философия для детей:  
разные версии 154

■  
Юбилей философа 157

■  
Contents 158

## **От редакции**

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса и телефона. Объем принимаемых материалов — до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Библиография должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, в самом же тексте следует указывать только номер ссылки (в круглых скобках).

**Материалы, полученные редакцией, не рецензируются и не возвращаются.**

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствие ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

**Журнал является безгонорарным.**

## КОНСТРУИРОВАНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ» В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

*СОЛОВЕЙ И.В.*

На современном этапе своего развития политическая философия столкнулась с проблемой концептуализации «политической реальности». Исчезновение тоталитарных идеологий XX века и демократизация политической жизни в политических науках означает изменение теоретических оснований описания изменяющегося мира. Современный политический мир невозможно описать как единое и устойчивое целое, существующее по единым универсальным законам. В политических исследованиях существуют две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление к сохранению единства политического порядка, с другой стороны, единый политический порядок репрезентирует множество локальных дискурсивных практик, поскольку любая попытка целостного представления политического мира начинает расцениваться как возврат к тоталитарной идеологии, где научные дискурсы исполняют функцию легитимирующих нарративов (Ж.-Ф. Лиотар).

В настоящее время интерпретация политического мира как смыслового единства наиболее полно выражает такое научное направление, быстро обретающее признаки новой самостоятельной области знания, как глобалистика, которая пытается раскрыть смысл политических процессов современности. В данном случае развитие политического мира представляется в аспекте глобализационных процессов. Это предполагает использование междисциплинарного подхода, вбирающего в себя особенности подходов политологического, социологического, культурологического, социально-философского, в результате чего исследователь выступает в качестве эксперта, всесторонне оценивающего состояние политического мира. При этом предполагается, что научные исследования должны способствовать управлению мировым политическим сообществом.

В этой связи формируется глобально-менеджерский схематизм осмысления политического мира. В современном постиндустриальном, постинформационном обществе глобальных коммуникаций главной движущей силой знания оказывается его производительность. В контексте меркантилизации и повышения производительности знания, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, вопрос «Верно ли это?» заменяется вопросом «Чему это служит?» и «Можно ли это продать?», что в свою очередь означает «делегитимацию» научного знания<sup>1</sup>.

Политическое пространство репрезентируется во множестве дискурсивных практик как языковых игр экспертов, каждый из которых исследует собственную область «политической действительности». В то же время концепция глобалистики выступает в качестве абсолютной идеи как предзаданной реальности западного мира, унифицирующей и тотализирующей дискурсивные локальные порядки. В этом смысле можно говорить о том, что глобалистика оказывается научной парадигмой лидирующего общества в ситуации, когда утратили легитимность «большие наррации» (Ж.-Ф. Лиотар), т.е. классовая и/или национальная идеи, позволяющие интерпретировать политический мир как целое. В данном случае глобализация рассматривается в качестве теории и политики западного неолиберализма.

Считается, что сегодня «Запад» достиг пика власти, что он регулирует и контролирует все сферы деятельности мирового сообщества — от политической (Совет Безопасности ООН, Европейский Парламент, Международная комиссия по правам человека, Международный трибунал) до экономической (Всемирный Банк, Межбанковская Валютная Биржа, Всемирная Торговая Организация, Международный Валютный Фонд) и информационной (Интернет). В настоящее время утверждение принципов неолиберализма в «конце истории» (Ф. Фукуяма) означает окончательную победу западных общественно-политических форм (демократия/права человека/правовое государство/рынок). В данном случае либерально-демократический проект, утверждающий общечеловеческие свободы, отно-

сят к достижениям исключительно западного мира в процессе его исторического развития. Политическая свобода оказывается высшей политической ценностью западного мира. «То, чему мы, вероятно, свидетели, — пишет Ф. Фукуяма, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение политической эволюции человечества и универсализации западной демократии как окончательной формы правления»<sup>2</sup>. В этом случае можно говорить о том, что «Запад» принимает на себя функции абсолютно-го субъекта либерально-демократического дискурса, т.е. выступает от имени всего мирового политического сообщества. Особенность современного дискурса неолиберализма заключается в том, что он устанавливает новые правила «политической игры», регламентирующие способы интерпретации политического мира.

В идеологии западного неолиберализма глобализация означает ре-организацию политического мира по иным, более правильным, экономическим законам, которые начинают навязываться всей планете абсолютным субъектом. Так, по мнению З. Баумана, «перемены в первую очередь затрагивают роль государства. Все три стойки “треноги суверенитета” сломались и восстановлению не подлежат. Военная, экономическая и культурная самостоятельность, даже самообеспеченность государства — любого государства — перестала быть реальной перспективой»<sup>3</sup>.

Таким образом, можно говорить о том, что осуществляется сознательный отказ от «политического» смысла с позиции самой политики. В сферу политики сознательно привносится «новый мировой порядок», что означает не дез-организацию политического порядка, а скорее его ре-организацию или ре-конструкцию. Абсолютная способность переустройства политического мира, его ре-организации раскрывает тоталитарную сущность абсолютного субъекта, его неограниченную власть над мировым политическим сообществом. «Глобализация — это всего лишь тоталитарное внедрение их логики во все сферы жизни»<sup>4</sup>. Если конструирование раскрывает субъективный аспект существования политического мира, то ре-конструкция

или его ре-организация означает объективацию субъективности, представление политического мира в предельных объективных формах «действительности». Глобальная рефлексивность абсолютного субъекта выводит политический мир за границы существующих возможностей, осуществляя тем самым движение *от* политики к стихии природы. Ре-конструкция политического мира с целью выявления его предельных оснований обнаруживает предельные смыслы политического мира, которые реализует современная концепция глобалистики.

Объективная «политическая действительность», существующая за пределами возможного, представляет собой бессмысленное движение в ситуации, когда реализованы все цели человечества. В результате можно говорить о том, что глобальная рефлексивность абсолютного субъекта раскрывает до-субъективную сущность политического мира, когда прежний политический порядок *уже не* существует, а новый *еще не* утвердился. Существование на границе является безрефлексивным, здесь сущность политического мира обнаруживается в стихии природы как антиномии политического порядка. На пределе существования структурирование политического мира происходит через отношение «порядка» и «хаоса» (синергетическая модель политики). Появление «хаоса», как правило, свидетельствует о возникновении угрозы существования.

В данном случае можно говорить о том, что установление «нового мирового порядка» связано не с глобальными инициативами и действиями, а, скорее, с глобальными последствиями, абсолютно непреднамеренными и непредусмотренными. «Глубочайший смысл идеи глобализации — это неопределенный, неуправляемый и самостоятельный характер всего, что происходит в мире, отсутствие центра, пульта управления, совета директоров или головной конторы»<sup>5</sup>. Предельным состоянием политического мира оказывается «новый мировой беспорядок». Здесь модернистский оптимизм отрицается постмодернистским пессимизмом, утверждающим, что постсовременность представляет собой апокалипсическое зрелище: загрязнение окружающей среды, озоновая дыра, демографический взрыв, гон-

ка вооружений, массовая безработица, угроза всеобщей гибели, ядерная катастрофа и возможное самоуничтожение рода человеческого.

Дальнейшее движение во времени является бессмысленным «повторением» прошлого, когда человечество существует просто пере-живая свои прошлые состояния. Сценарий существования человечества во времени, когда сама «политическая реальность» «опустошается», подлежит «забвению» (Ж.-Ф. Лиотар), выражает метафора У. Эко: «средние века уже начались». Как полагает У. Эко, с недавнего времени начали говорить о нашей эпохе как о новом средневековье. Проигрывание модели средневековья в дальнейшем означает, что снова наступит кризис политического устройства, которое распадается на несколько автономных подсистем, независимых от центральной власти, с собственными наемными войсками и автономным судопроизводством. Преодолеть кризис легче будет жителям неразвитых областей, подготовленных к жизни и конкуренции в примитивных условиях, начнутся крупные миграции, которые приведут к слиянию и смешению рас, появлению и распространению новых идеологий. Когда сила закона не будет более признаваться, а все документы будут уничтожены, собственность будет опираться только на «право обычая»; с другой стороны, скорый упадок приведет к тому, что города будут состоять вперемешку из развалин и годных для жилья домов, где поселятся те, кто сумеет захватить их, а местные власти мелкого масштаба смогут сохранить хоть какую-то власть, лишь построив крепостные стены и укрепления. Тогда мы окажемся уже полностью в феодальной системе, союзы между местными властями будут опираться на компромисс, а не на закон, взаимоотношения отдельных людей будут основываться на агрессии, на дружеских союзах или союзах по принципу общности интересов, вновь возродятся примитивные обычаи гостеприимства<sup>6</sup>.

В условиях глобального беспорядка как природной нестабильности «политическая реальность» оказывается «местом» производства непредсказуемого «будущего», которое обесмысливает происходящее и ставит само чело-

вечество перед проблемой выживания в состоянии «нового мирового порядка». «Политика, таким образом, — пишет А.С. Панарин, — на деле является не плановым, а стихийным производством истории, конечные результаты которого несоизмеримо расходятся с первоначальными замыслами»<sup>7</sup>. Поскольку окончание существования человеческого рода немыслимо, постольку тема «конца истории» в условиях глобальной нестабильности становится амбивалентным предметом дискурса, который раскрывает существование «политической действительности» за пределами всех возможных возможностей. В современных политических дискурсах реальность предстает в качестве бесконечного «апокалиптического текста» (Ж. Деррида), у которого не существует реального референта в «политической действительности».

Политика глобализации как научная парадигма неолиберальной идеологии западного мира вырабатывается ангажированными экспертами. В свою очередь истинные глобалисты в лице транснациональных корпораций осуществляют контроль над производством знания. Это актуализирует вопрос о статусе исследователя в системе знания, все больше превращающегося либо в «штатного интеллектуала», т.е. технического специалиста в области доксы, мнения, торговца опросами общественного мнения и маркетинговыми исследованиями, либо в исследователя, заключающего себя в башню из слоновой кости, который ничего не делает со своим знанием.

Можно говорить о том, что современное утверждение о «конце политики» (Ф. Фукуяма) достаточно точно фиксирует ситуацию кризиса интерпретаций политического мира. В точке кризиса различные направления совпадают (либеральный национализм), сходятся в единое целое, отождествляются и перестают различаться (глобализация). В данном случае экономическая глобализация — политическая локализация становятся взаимообратимыми явлениями политического мира. Глобализация/локализация («глоколизация» З. Бауман, Р. Робертсон) оказываются предельными способами актуализации объективного смысла существования политического мира, когда реали-

зованы все цели человеческого существования. «Интеграция и раздробленность, глобализация и территориализация — это взаимодополняющие процессы. Точнее, это две стороны одного процесса: процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действия в мировом масштабе»<sup>8</sup>. В такой ситуации конструирование «настоящего» оказывается негарантированным предсказанием эксперта в нестабильном, постоянно меняющемся мире.

Политическое бытие оказывается выведенным на предел существования, когда оно *уже не* может существовать по-прежнему, но *еще не* способно про-из-водить иные смыслы. Абсолютную неразличимость смыслов, невозможность интерпретировать структуру политического пространства можно рассматривать как отсутствие способов дальнейшей концептуализации политического мира. С одной стороны, политический мир переживает собственную предельность как кризис существования, сопряженный с риском не-существования или не-бытия (концепции глобальных катастроф). В этом случае «конец политики» является предельной точкой традиционных способов рассуждения о политике в ситуации завершенности идеологической репрезентации (неолиберальная идеология). С другой стороны, в этом состоянии политическое бытие самопредъявляется как целое в своей способности к саморефлексии. Здесь кризис традиционных интерпретаций (П. Рикер) оказывается точкой поворота исследовательской рефлексии, когда происходит самопонимание и самоопределение политического мира в системе субъект-объектного тождества.

Выбранный подход тождества обусловлен логической недостаточностью гегелевского метода противоположностей, объективирующего концептуальные построения политического мира в метаисторической перспективе (теории прогрессивного развития) идеологических репрезентаций. Политический дискурс возможен только через преодоление идеологии различия и утверждение дискурса тождества, который в современной философии заявляется в герменевтическом подходе через метод субъект-объектного тождества Ф. Шеллинга. В данном случае подведе-

ние к «пределу» или «границе» означает «поворот» исследовательской рефлексии. Здесь появляется возможность пересмотреть традиционные понятия, определяющие смысл существования политического мира. В состоянии саморефлексии внешним пределом существования политического бытия оказывается традиция, т.е. политические парадигмы, которые раскрывают сущность существования политического мира как целого.

В политической традиции «реальность» политики представляется в качестве объективной сущности или «политической действительности», существование которой предъявляется в устойчивых структурах политического знания. Когда существующая традиция принимается исследователем за условие возможности разворачивания политического дискурса, тогда политический дискурс каждого субъекта необходимо структурируется абсолютными положениями, которые становятся аксиоматическими утверждениями, ограничивающими политическое мышление исследователя. В этом случае основополагающие понятия политического языка (демократия/права человека/правовое государство/рынок/нация и т.д.) оказываются идеологическими (консерватизм/либерализм) утверждениями абсолютного субъекта. Здесь свободное движение потока мышления исследователя ограничивается необходимостью признания объективных утверждений. Возникает зависимость исследовательского дискурса от нерелексируемых положений политической науки, т.е. существующей «интеллектуальной доксы» (Л. Пэнто), ограничивающей творческую исследовательскую инициативу.

В современных исследованиях символическое насилие «интеллектуальной доксы» отождествляется с властью традиции или «обыденной очевидностью» (П. Бурдьё), которая диктует правила интерпретации политического мира. Критика «обыденной очевидности» означает, что исследователь должен сознательно отказаться от самоочевидных истин (положений) политической науки. В этом случае освобождение от власти традиций способствует появлению исследовательского произвола, согласно которому позиция исследователя оказывается абсолютно относи-

тельной. Возникает «иллюзия об интеллектуале без привязанностей и корней» (Ж. Може). В то же время отсутствие имманентных правил интерпретации политического мира предполагает, что в политических науках устанавливаются трансцендентные, т.е. метаполитические правила политической игры, которые оказываются идеологическими правилами интерпретации. В результате появляется состояние интеллектуальной не-свободы, ощущаемое субъектом как идеологическое насилие, которое провоцирует появление «бунта» (А. Камю). В ситуации кризиса политическое бытие выходит за пределы существующих традиционных представлений «политической действительности» в сферу неопределенности, при этом неопределенность предполагает возвращение субъективности в ее определенности.

В состоянии предела политическое бытие оспаривает собственное существование, т.е. ставит под вопрос традиционные парадигмы политической науки (политические понятия). Обращаясь к словам и смыслам политического языка, М.В. Ильин полагает, что по своей природе политическое понятие оказывается «сущностно оспариваемым», поскольку не допускает «не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, смысловой, а фактически операционной, непротиворечивости использования для определенных областей деятельности и ситуаций) и сколько-нибудь надежной конвенционализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значения слова), но, напротив, принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых разворачиванием политического дискурса и контекстами»<sup>9</sup>. Политическое бытие обнаруживает свои субъективные основания, когда «встречается» с самим собой в «месте» собственной представленности. Сама «встреча» приобретает характер со-бытия политического бытия. Политическое бытие обретает собственную сущность или о-смысливается в «месте» существования политического субъекта как рефлексизирующего исследователя (политолога). Политический мир, продолжая существовать в непрерывной действительности вре-

мени, обнаруживает себя в собственной рефлексивности в пространстве мыслимого существования.

Внешняя граница политического бытия, заданная политической традицией, оказывается внутренним условием его существования, поскольку принадлежит имманенции мышления. В этом смысле внешняя граница становится «внутренней речью» исследователя или политолога. Политическое мышление как внутреннее состояние субъекта оказывается внешним состоянием, поскольку политическое мышление объективируется в языковых структурах политического дискурса, который структурирует «внутреннюю речь» исследователя или поток мышления. Здесь раскрывается смысл единства политического мышления и языка политики. «В этом самоговорении (*sichsagen*), — полагает Г.-Г. Гадамер, — достигается совершенство мышления. Внутреннее слово, выражая мышление, как бы отображает конечность нашего дискурсивного рассудка. Поскольку наш рассудок не охватывает ведомое ему одним мыслящим взором, постольку он должен в каждом случае сначала вывести из себя самого то, что он мыслит, и словно в некоем внутреннем самовысказывании поставить перед самим собой. В этом смысле всякое мышление суть самоговорение»<sup>10</sup>. В «месте» существования политического субъекта реализуется тождество «внутреннее — внешнее», которое можно рассматривать как тождество языка и политического мышления (М. Хайдеггер).

В дискурсе субъекта политическое бытие проговаривается о собственных смыслах, т.е. существует в качестве смысловой целостности. В данном случае можно говорить о том, что смысл политических понятий не является чем-то определенным, раз и навсегда заданной сущностью. Следовательно, существующие смыслы невозможно свести к единственно возможному аксиоматическому утверждению абсолютного субъекта, дискурс которого оказывается идеологическим по определению, поскольку выражает последнюю истину о мире политики.

В системе тождества со-общение внутреннее/внешнее оказывается само-обращением субъекта к самому себе, смысл которого раскрывается в структурах исследователь-

ского диалога. Исследователь или политолог конструирует смыслы «политической реальности» в диалоге с традицией, обращение к которой позволяет выявить новые смыслы существующих понятий политического мира. В этом случае вся исследовательская деятельность является бесконечным процессом «набрасывания заново» (Г.-Г. Гадамер) смысла политических понятий, раскрывающих сущность «политической реальности» в нарративных структурах политического дискурса.

Обращаясь к проблеме политической свободы как одной из самых дискуссионных тем политики, М.В. Ильин полагает, что «свобода в принципе не завершена и развивается вместе с человеком и его природой (извечна, но подлежит дальнейшему изобретению, а тем самым и обретению)... она концептуализируется как обширный и открытый класс фундаментально связанных, но вполне самостоятельных в развертывании своего содержания понятий»<sup>11</sup>. В политической традиции дискурс о свободе-привилегии переходит в дискуссию о демократических (гражданских) правах, закрепленных законом. В этом смысле политический дискурс определяет внутренние принципы существования политического сообщества, которые оказываются внешними условиями организации политического мира. В то же время, по мнению Р. Арона, «если пользоваться только одним критерием, то есть исключительным определением свободы, то мы придем либо к парадоксу угнетения, признаваемому легитимным во имя демократической процедуры, либо к парадоксу освобождения, устанавливающего угнетения, из-за отказа сравнивать свободы, которые теряют одни, со свободами, которые приобретают другие»<sup>12</sup>. В данном случае политический дискурс оказывается «местом» самоистолкования и самоопределения смысла политических понятий (народ/класс/нация/этнос, консерватизм/либерализм, общество/государство и т.д.), которые раскрывают сущность существования политического мира как целого.

Политический дискурс существование политического мира манифестирует через точку единства, в которой политический субъект обнаруживает собственную поли-

тическую позицию, как исследовательскую «точку зрения». Исследовательская «точка зрения» предъявляет целостное существования политического бытия, при этом сам способ предъявления носит индивидуальный характер. Политический смысл как целое самоопределяется и самоистолковывается в «точке зрения» политического субъекта как имманентного наблюдателя политического мира. Объективация «политической действительности» в языке исследователя оказывается моментом существования субъективной «политической реальности», позволяя политическому смыслу самоопределяться в бесконечной смене состояний или понятий политического языка. Присутствие политического субъекта раскрывает онтологический смысл политического бытия, т.е. является собственно философским представлением о политическом бытии как «присутствии» (М. Хайдеггер).

Таким образом, можно говорить о том, что только саморефлексия политической философии обеспечивает дальнейшее существование политического бытия в новых образах. Продолжая существовать в непрерывной действительности, политический мир обнаруживает себя в собственной рефлексивности, представленности в пространственно-временной целостности в «месте» существования политического субъекта, определяющего смыслы его существования. В данном случае точка кризиса, обозначающая пределы традиционных рассуждений о политическом мире, является границей, в которой определяется сущность политического бытия как целого. В этом случае понятие «граница» означает выявление смысловых пределов бытующих понятий. Это видно из самого значения слова «термин» (лат. *terminus* — предел, граница, имя), в котором выражена идея уточнения значения в некоторых границах. Здесь политическое бытие оспаривает собственное существование, т.е. ставит под вопрос традиционное представление политического мира.

Политическое бытие, переживающее собственную предельность как кризис не-существования или не-бытия, выходит за собственные пределы, обнаруживая иные способы существования, которые расширяют сферу «полити-

ческой действительности» на пределе возможного. На границе существования бессмысленное движение во времени и пространстве осмысливается в состоянии единства, которое реализует исследовательская позиция политического субъекта. В этом случае глобальная рефлексивность абсолютного субъекта, раскрывающая досубъективную сущность политического мира, его повседневный «мировой политический беспорядок», сменяется состоянием исследовательской рефлексии, конструирующей политический мир на основе «точки зрения» как базисного принципа исследования.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998. С. 124.
- <sup>2</sup> Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–135.
- <sup>3</sup> Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 93.
- <sup>4</sup> Там же. С. 96.
- <sup>5</sup> Там же. С. 95.
- <sup>6</sup> Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 259.
- <sup>7</sup> Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999. С. 14.
- <sup>8</sup> Бауман З. Цит. соч. С. 100.
- <sup>9</sup> Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 22.
- <sup>10</sup> Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 490.
- <sup>11</sup> Ильин М.В. Цит. соч. С. 44.
- <sup>12</sup> Арон Р. Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Полис. 1996. № 1. С. 136.